

Сумерки германского бога войны.

Из Нью-Йорка сообщают о телеграммах из Роттердама от 30-го сентября, рисующей современную настроенную громадную часть германского народа, в результате тех ужасающих правил, которые проникли в Германию с различных фронтов. Среди военного командования господствует оравический страх перед неизбежным разгромом, и в то же время среди гражданского населения наблюдаются все признаки того, что оно старается найти пути своего спасения по той самой дорожке, на которую неоднократно в истории вставали народы, — ослепленные угнетающим правительством. Внутренний фронт стал предметом больших забот для высшего командования, главным образом, благодаря усилившейся пропаганде в пользу создания демократической конституции, а также ответственности министров.

Самым важным результатом является то, что три четверти германского населения рассматривают амбиции германского милитаризма, как провал для народа и как причину всех его бедствий. Эти взгляды стали господствующими, главным образом, с того самого момента, когда в жизни отдаленных провинций произошло призыв к немедленной мобилизации всех юношей, с момента достижения ими 17-летнего возраста. Были приняты чрезвычайные меры, чтобы этот факт народного негодования не стал достоянием мира. Неудивительно поэтому, что Германия в настоящее время декларирует о своем желании иметь демократическое правительство, которое приняло бы немедленные шаги для заключения мира, в противном случае народ добьется этого посредством революции. Что разговоры о революции не являются только пустой болтовней, под это прошлогодним, показывают неопровержимые факты. Газетная критика правительственной политики не дает даже и слабой представленности оппозиции массового населения, несмотря на то, что эта критика порой свидетельствует о очень сильном о массовом гневом и ужасе, охвативших народные массы. Правительство безусловно относится покровительственно к подобному роду газетной критики, поскольку она служит ширмой для более грозных общественных настроений. Короче говоря, книги представляют собой в настоящее время усталую и пассивную духом нацию, стремящуюся к реформам и миру, или к революции, как д-р У. Альтерштадт. Народ так уверен, что настоящее напряжение не может дольше продолжаться, что он ожидает мира не позже, как через 6 месяцев, скорее путем конституционных реформ, чем путем революции, которую правители Германии безусловно постараются избежать. Что касается военных кругов, то выступление Водгарта является для них грозным ударом, хотя крайняя группа склоняется к тому, что она знает об этом заранее. Это обстоятельство, основанное на предполагаемой возможности вторичного присоединения

Румынии к союзникам, заставляет обратить все взоры на Дарданеллы, где можно ожидать развития событий посредством союзнических усилий — и на этот раз пушками не одного только флота.

Осуществленный миф.

(Къ открытiю Имп. Университета)

(Упомянуто *)

Съ трепетомъ въ сердцѣ подумывали они о томъ, что теперь ихъ общій кумиръ, всеблагій и всемогущій Аполлонъ на много мѣсяцевъ покинетъ ихъ, улетѣлъ съ первыми снѣгомъ на крылахъ оной стаи серебряныхъ лебедей далеко на сѣверо-востокъ, въ рубель великихъ горъ, къ незыбшимъ горетамъ жизни дальнимъ гиперборейцамъ чтобы вернуться въ благу только съ первыми вѣтвями весны, когда придетъ золотъ ми стрѣлами разбивать виміе покровы земли, опять освободитъ ее отъ ея чаръ и снова обниметъ ее и блговъ и людей. Тѣмъ временемъ же, въ осеннюю бурю и вимію стужу, въ дождь и снѣгъ, когда дни сперва равны ночи, а вѣтры горадо короче ихъ, Эллада остается на попеченіи внаго брата, Диониса-Вакха, этого бога-волнхъ радости, но и великихъ страданій, этого бога предмущественно горя и смерти... Таково сдержаніе обшираспространеннаго эллискаго мифа.

Приведенный мифъ какъ будто осуществился въ наши и въ прошлыя, и въ первоосновомъ смыслѣ осенне-зимне дни, когда земля скрывается земля въ ми покровы, а сердце сжимается при мысли о творимыхъ на дальнемъ западѣ и югѣ вѣхъ дѣвнхъ войны. Подъ грохотъ орудій, подъ отомъ равнхъ и умершихъ, когда летятъ кровь миллионы за торжество идеи д боа, истинъ и красоты, на дальній Востокъ, къ намъ, въ землю стужи и снѣговъ, влетаетъ окруженный спомомъ Музъ и Харитъ лучезарный и рникъ Аполлонъ, чтобы вѣдь, въ страдѣ гиперборейца, создать новый прочный храмъ науки, молодой университетъ, расцвѣтивъ гуманности, знаній и служенія красотѣ.

Пусть уютупленны, ли (и Дионисъ съ его оргіаномъ и куваломъ крови, пусть этотъ атлантскій богъ смерти и страданій остается далеко отъ насъ. Покажемъ ли мы съ этомъ? Конечно, вѣдь. Вѣдь мы хорошо знаемъ изъ того же мифа, что съ первыми лучами могучаго вѣшня о солнца его чары должны будѣтъ разбѣгаться какъ туманъ и какъ в чья тамъ бѣжитъ предъ восходящемъ зарем, вращая Дионисъ склонится предъ всезнающимъ и гучнымъ бгомъ свѣта, тепла и радости вѣчно-внмимъ, бессмертно-прекраснымъ Аполлономъ. Подъ вѣнкомъ этого лучезарнаго бога да будутъ бороться жрецы его новаго храма науки со еякой тьмой и широкой рукой съять събѣтъ истиннаго знанія, истиннаго добра, истинной красотѣ!

Германъ Генкель.

* Начало см. въ № 63 „Дѣло“.

Июныне берегите свои культурныя ценности.

(По поводу 3-го симфоническаго концерта)

Вольшого художественнаго значенія событіе... Съ небольшими, сравнительно, силами было привлечено къ свѣлой задачѣ—созданіи симфоническаго оркестра. Много любви къ дѣлу, много, очень много энергии надо было вложить, чтобы создать то, что прошло предъ нами за эти три симфоническихъ вечера...

3-й концертъ доказалъ, что можно дать непоколебимой вѣрою въ свое дѣло, непоколебимой энергіей...

Какое богатство красокъ, музыкальных захватывающихъ образовъ...

Сколько жгала, свѣта чистой неподдѣльной радости!

Отъ второй симфоніи Калининова, черезъ гротъ Ярославны и топанье оркестра вихря аррагонской Хоты Гляни...

Среди сѣрххъ буднхъ существованія, среди перваго напряженія политическихъ событий, творимыхъ вѣдъ нашей воли, вѣдъ нашего участія мы разучились сѣбѣтаться, мы забыли, что гдѣ-то есть радость жизни, радость неподдѣльная, чистая, асбахатнеющая, радость возвышающая, отъ которой выпрямляется спина, заглаживаются морщины...

Третій симфоническій концертъ национальнхъ намъ объ этомъ, напомнилъ о томъ челоочесномъ, ради котораго стоитъ жить, жить и бороться. И лишь одна грусть вольно сквозила на оми богатомъ концертѣ...

Грусть о томъ, какъ мало Иркутскъ приближа дѣвтъ, это большого значенія начинающее ступля красочнхъ свидѣтельствъ о насъ съ этомъ.

Для Иркутска это начинаніе Народнаго Университета не стало еще своимъ близкимъ, дорогимъ дѣломъ...

Каждый аудиторійный городъ имѣетъ свою привязанность, свое близкое ему художественное начинаніе. Надо ли говорить о Москвѣ и о Художественномъ театрѣ? А вѣдь бы и минуты, когда этотъ театръ переживалъ трагически тяжелые дни. И только любовь Москвитъ „Всей Москвитъ“ вынесла театръ на своихъ плечахъ. Эта любовь дала силы и вѣру нечеловѣку, который обогатилъ театръ. Эта любовь заставляла двигаться впередъ, неустанно искать и работать.

Холоду, равнодушію убѣтъ начинаніе, гадувать порвны.

Мнѣ пришлось однажды во время полденныхъ скатавій по „заграницамъ“ поблѣтъ на симфоническій концертъ въ вѣвѣнтонъ пннхъ Перемннхъ. Тогда это былъ малыиіи городокъ съ довольно близкимъ населеніемъ. Военный оркестръ давалъ свиф ню чепскаго композитора Сметаны, „Теченіе Варта.“ Я никогда не забуду того громаднаго волненія, того едланія публики съ артистами, которое передавалось артистамъ и мнѣ, совершенно чужому одинокому челоѣку. Это былъ своего рода національный праздникъ. Въ биткомъ набитомъ публикой залѣ стояло первое волненіе, нервное напряженіе. Это была своя симфонія, данная съ инхъ оркестромъ.

Вольшого начинаніе Народнаго Университета еще не стало для Иркутска своимъ близкимъ. Если на трепетный привѣтъ артистовъ не получится отклика сочувствія, если иркутская публика будетъ сама по себѣ, а артисты сами по себѣ, то это начинаніе погибнетъ.

Равнодушія не можетъ вывести такой силы художественное впечатленіе. И я вѣрю, что недалеко то время, когда Иркутскъ съ такимъ же правомъ и такой же гордостью будетъ говорить о своемъ симфоническомъ оркестрѣ, какъ Москва говоритъ о своемъ театрѣ какъ Перемннхъ говорилъ о своемъ оркестрѣ.

Оркестръ Иркутска Народнаго Университета болѣе, чѣмъ стоитъ того!

I. Розенартъ.

ЗЛОБОДНЕВНОЕ.

Аргонавты, или Новый Вавилонъ.

Въ Челябинскѣ лежитъ 2 тысячи пудовъ революц. галоши. (С. Я. Ч.)

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мою послѣднюю пару галошъ кто то „по ошибкѣ“ нахѣлъ, и ушелъ въ нихъ, прежде чѣмъ, я успѣлъ предупредить его преступныя намеренія; и уже давно я ожесточенно шлепаю по грязи и лужамъ, съ трепетомъ сердечнымъ прислушиваясь, какъ вода хлюпаетъ въ и ихъ продранныхъ ботиночкахъ, и съ содроганіемъ чувствую, какъ она лже чь мой пятки. Холодно, снѣжно. Осень!

Тщепно стараясь я найти хоть пару галошъ. Но увы! Я вступалъ въ переговоры и съ представителями очетственной торговли въ магазинахъ, и съ инородческими закупающъ въ лавчарствѣ ликовъ татаръ, и съ представителями иностранной буржуазіи на Манчжурскъ—ничто не помогало: я былъ оставленъ на произволъ судьбы в своемъ недостижимомъ желаніи украсить свои ноги старыми или новыми галошами.

Я уже началъ списываться со своими друзьями въ Нормандію, нѣтъ въ виду просить ихъ о присылкѣ пары сабо, которыми бы я могъ замѣнить вожделѣнныя галоши—какъ вдругъ, о радость, промелькнуло извѣстіе, что въ Челябинскѣ—о, Небо, лежитъ 2 тысячи пудовъ паръ—галошъ.

Конечно, я какъ метеоръ помчался на вокзалъ. Поѣзда отходили переполненными. Люди цѣплялись за буфера, а въ вагонахъ всѣ молчали, боясь выдать сокровенную цѣль своей поѣздки, но у всѣхъ въ глазахъ можно было прочесть одну завѣтную мечту—о парѣ галошъ.

До Челябинска мы не доѣхали. За 25 перст до станціи поѣздъ былъ остановленъ, насъ заставили ждать и встать въ очередь за галошами.

Что тутъ творилось! Я никогда, не видѣлъ такого скопленія людей. Даже на празднествахъ Далай Ламы не собиралось столько народу. На и его миль вокругъ города, простиралось цѣлѣ море челоѣческихъ головъ. Тутъ

были представители всѣхъ национальностей всѣхъ безчисленныхъ русскихъ республикъ, почти всѣ прательства и даже говорили, что есть много большевиковъ, тайно прибравшихся изъ-за фронта въ робкой надеждѣ получить все ту же пару галошъ.

Я думаю только древняя Эллада на одиссейскихъ приключенияхъ видѣла что нибудь подобное тому, что было здѣсь. Слышались различныя нарѣчія; и горланнй говоръ башкиръ, и низкіе голоса тунгусовъ, и рѣзкіе выкрики китайцевъ. Нѣот рые народы вились со своими кибитками, и непринужденно ночевали вдоль очереди.

Два мѣсяца мы стояли въ хвостѣ, и почти не прозвинулись впередъ. Наконецъ, въ одну темную ночь наше терпѣніе лопнуло: мы какъ орда гуиновъ двинулись на складъ; по тѣнямъ, а иногда даже по двойному ряду тѣлъ, пришли къ нимъ и жестоко ихъ разгромили. Я схватилъ пару галошъ и въ востовой радости размахивая ими бросился бѣжать. Я былъ счастливъ. Однако, недаромъ сказалъ поэтъ.

Что можетъ въ минуту разрушить судьба Эскивъ, то на свѣтѣ не наше.

И я постигъ эту истину, когда набросившись на меня съ дикимъ ревомъ толпа, ирвала у меня одну изъ моихъ добытыхъ съ такимъ трудомъ галошъ. Другую я успѣлъ крѣпко прижать къ своей груди, и не отдавъ ее на растерзаніе.

И теперь, друзья мои, я почти счастливъ. Въ дѣйствительности счастлива только моя правая нога, тогда какъ лѣвая попрежнему обречена на перманентное купаніе въ холодныхъ осеннихъ водахъ. Но я не теряю надежды, что гдѣ нибудъ еще откроется залежи галошъ, и цѣною тяжкихъ усилій я, быть можетъ, смогу стать вновь счастливымъ.

Дредаи.

На Востокъ.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

По Забайкальской желѣзной дорогѣ въ районѣ Читы въ хоуд „совѣтскія денги“. На листкѣ обмѣннвенной бумаги приклеена гербовая марка, погашенная печатью читинскаго отдѣленія государ. банка, съ указаніемъ, что бумага имѣетъ хождение на ряду съ кредитными билетами въ преѣлахъ Забайкальск. области. „Совѣтскія“ приѣмается безъ всякаго недоразумѣнія. Фактъ характерный, свидетельствующій о сильномъ разрывѣномъ голодѣ. Въ случаѣ выпуска Врем. Сиб. Пр-вомъ мелкихъ денегъ, успѣтъ ихъ, судя по данному примѣру, обезпеченъ.

Въ ове шенномъ превеблеженіи „короны“. Ихъ почти невозможно размѣнять.

Японскихъ бонъ, о которыхъ такъ много говорилось, на станціяхъ пока нѣтъ. Японцы покупаютъ рѣдко, расплачиваятъя русскими денгами. Между прочимъ, у нихъ не мало нашихъ себѣбушекъ.

На одной изъ станцій за Читой, публика имѣла возможность влотному опркоснуться съ нашими маленькими сосѣдями.

Въ в-гонѣ ввѣлилась цѣлая толпа японскихъ солдатъ и съ двумя офицерами. Тѣснота еще болѣе увеличилась, но все пустячки: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. Японцы озабочены, противъ ожиданія, весьма прѣвѣтливые и „разгворчавшіе“, что сразу расположило къ нимъ пассажировъ. Разговоръ правды, проходилъ при помщи рукъ и равнаго рода тѣлодвиженій.

Офицеры пользовались особымъ вниманіемъ, у каждаго изъ нихъ книжечка съ японскимъ и русскимъ текстомъ, предвѣдственная опциально для Россіи. Въ текствѣ почти всѣхъ вопросовъ такого рода:

— Были ли здѣсь русскіе? Сколько русскихъ въ этой деревнѣ? Куда ушли русскіе? Скажите русскимъ, что мы все будемъ платить, но если они не дадутъ, то возьмемъ насильемъ...

У каждаго японскаго солдата висячая книжка. Онъ туда заноситъ русскія ол ва, которыя говорить ему пассажиры.

На вопросы японцы отвѣчали охотно, но чуть кто либо пытался разузнать, скоро ли они поблѣтъ въ Россію и т. л., какъ наши желтолицые солданы отъвоились невѣрными.

— Умный народъ:—вотавляетъ свое вѣдѣніе обшій въ Читѣ спутникъ—смотрите, какую хонку ведутъ они полѣтику. Мирно колонизировать край. У насъ въ Читѣ окулаютъ дома, земли, стараются войти павичами въ наши предпріятія. Въ городѣ много комиссаровъ. А наши, стыдно сказать, какъ бы нарочно снѣшать продаютъ, не думая о будущемъ. Уже и такъ мелкая торговля въ рукахъ китайцевъ и японцевъ, скоро и крупная ихъ будетъ...

— Каково взаимоотношеніе между жителями и японцами?

— Цѣла нормальная. Но населеніе какъ бы боится чего-то. Можетъ быть, ему способствуютъ вѣдѣніа причиноу: кругой тищъ людей, цѣлкъ и пр., что имѣетъ тѣсноку общеніа и создаетъ извѣстную подозрительность.

